

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Арбеков А. Б. Армии Германии и Австро-Венгрии в восприятии российского офицерства в 1870—80-е годы / А. Б. Арбеков // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 369—390. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-369-390.

Arbekov, A. B. (2024). German and Austro-Hungarian Armies in Perception of Russian Officer Corps in 1870s and 1880s. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 369-390. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-369-390. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Армии Германии и Австро-Венгрии в восприятии российского офицерства в 1870—80-е годы

Арбеков Александр Борисович

orcid.org/0009-0006-4855-5533

кандидат исторических наук,
старший преподаватель,
кафедра истории и археологии
arbekoff-alex@ya.ru

Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-28-00325
«Российская армия
XVIII — начала XX веков
как социокультурный феномен»

German and Austro-Hungarian Armies in Perception of Russian Officer Corps in 1870s and 1880s

Alexander B. Arbekov

orcid.org/0009-0006-4855-5533

PhD of History,
Senior lecturer,
Department of History
and Archaeology
arbekoff-alex@ya.ru

Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University
(Tula, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00325
“Russian army
of the XVIII — early XX centuries
as a sociocultural phenomenon”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье изучаются воззрения, формировавшиеся в среде российского офицерства в 1870—80-е годы, на германскую и австро-венгерскую армии. Цель исследования — осветить процесс формирования этих представлений, проследить их историческую динамику, а также выявить факторы, оказывавшие влияние на трансформацию взглядов российских офицеров в обозначенный период. Изучение данной проблематики способствует более глубокому пониманию российской внешней и военной политики в 1870—80-е годы, когда в Европе складывалась определенная расстановка сил и вырисовывались контуры военно-политических союзов, определивших характер блокового противостояния в годы Первой мировой войны. Основное внимание уделено изучению взглядов корпуса офицеров Генерального штаба, так как в их обязанности входило систематическое изучение иностранных армий и применение этих знаний для российских военных нужд. На основе проведенного исследования формулируется вывод о том, что в 1870—80-е годы отношение российского офицерства к германской армии претерпевало изменения, которые укладывались в последовательность «противник» — «соперник» — «враг», в то время как армия Австро-Венгрии воспринималась в качестве ключевого «соперника» России на Балканах.

Ключевые слова:

русское офицерство; Германская империя; Австро-Венгрия; Генеральный штаб; военные агенты.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the views that emerged among the Russian officer corps during the 1870s and 1880s regarding the German and Austro-Hungarian armies. The aim of the study is to illuminate the process of shaping these perceptions, trace their historical dynamics, and identify the factors influencing the transformation of Russian officers' views during this period. Investigating this topic contributes to a deeper understanding of Russian foreign and military policy in the 1870s and 1880s, a time when a specific balance of power was taking shape in Europe and the outlines of military-political alliances that defined the nature of bloc opposition during World War I began to emerge. The study focuses primarily on the perspectives of the General Staff officer corps, as their responsibilities included the systematic study of foreign armies and the application of this knowledge for Russian military needs. Based on the conducted research, it is concluded that between the 1870s and 1880s, the attitude of the Russian officer corps towards the German army underwent changes that aligned with a sequence of “adversary” — “competitor” — “enemy,” while the Austro-Hungarian army was perceived as Russia’s key “competitor” in the Balkans.

Key words:

Russian officer corps; German Empire; Austro-Hungary; General Staff; military agents.

УДК 94:355.351(430+436)“187/188”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-369-390

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Армии Германии и Австро-Венгрии в восприятии русского офицерства в 1870—80-е годы

© Арбеков А. Б., 2024

1. Введение = Introduction

«Объединительные войны» Пруссии 1860—1870-х годов кардинально изменили расстановку сил в Европе. В центре субконтинента была выкована «железом и кровью» единая Германская империя, обладавшая огромным экономическим потенциалом и могущественными вооруженными силами. Новая внешнеполитическая конфигурация создавала серьезную опасность территориальной целостности России, особенно ее западным пределам. Теперь, помимо российско-австрийского антагонизма на Балканах и российско-британского противоборства в зоне черноморских проливов и на Среднем Востоке, прибавлялась потенциальная угроза германо-австрийского союза. Эти факторы, с учетом тяжелого положения Третьей республики во Франции, в случае очередного международного кризиса могли привести к полной изоляции России, как и во времена Крымской войны 1853—1856 годов.

В связи со сложившимся внешнеполитическим «пасьянсом» в Европе в 1870—80-х годах в среде русского офицерства складывались конкретные представления о потенциальных «врагах», «противниках», «соперниках» и «союзниках» Российской империи на международной арене. Особое место в данной мировоззренческой системе координат занимали армии Германии и Австро-Венгрии. Невзирая на формирование «Союза трех императоров» в 1873 году, отношения России с этими странами в течение 1870—80-х годов носили весьма напряженный характер, что находило непосредственное отражение в воззрениях российских офицеров и в военно-стратегических планах империи Романовых. Американский историк Д. Рич констатировал, что «независимо от того, что делали царь, министр иностранных дел или даже военный министр, Главный штаб следовал своей собственной логике» [Rich, 1998, p. 159].

Проблематика восприятия российским офицерством европейских армий в 1870—80-х годах не получила широкого научного освещения. Среди работ, касающихся этой тематики, необходимо указать исследования

Г. Перссон [Persson, 2010], Д. Рича [Rich, 1998], Б. Меннинга [Меннинг, 2015], Л. В. Ланника [Ланник, 2018] и Е. С. Сергеева [Сергеев, 2001]. Отдельные аспекты воззрений российских офицеров на европейские армии в контексте развития военного дела в России нашли отражение в биографических трудах О. Р. Айрапетова [Айрапетов, 2017], В. Н. Масальского [Масальский, 1998] и С. С. Юдина [Юдин, 2021], а также в коллективной монографии «Армия и флот в геополитических интересах России» [Армия и флот ..., 2019]. В этой связи представляется необходимым заполнить образовавшуюся лакуну и проанализировать воззрения российского офицерства на армии Германии и Австро-Венгрии в 1870—80-е годы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Под «офицерством» в настоящей статье понимаются преимущественно офицеры, причисленные к Генеральному штабу (ГШ), в профессиональные обязанности которых входил сбор и анализ информации об иностранных армиях и о развитии военного дела за рубежом. Эти сведения позволяли заранее определять потенциальных противников, врагов и союзников России, обеспечивая тем самым «мозг» армии необходимыми данными для проведения соответствующих военных реформ и для осуществления военно-стратегического планирования в мирное время [Ганин, 2009, с. 4].

Во второй половине XIX века в связи с индустриализацией, ростом численности армий и военно-техническим прогрессом появляется необходимость в «научном» подходе к организации сухопутных вооруженных сил. Если ранее образование и самостоятельность в офицерском корпусе, по выражению П. А. Зайончковского, представляли собой «отрицательные качества, совершенно не нужные офицеру» [Зайончковский, 1945, с. 7], то после Крымской войны 1853—1856 годов возникала насущная потребность в «профессионалах», способных эффективно обучать армию в мирное время и управлять ею на поле боя. В этой связи в период военных реформ 1860—70-х значительное внимание уделялось повышению качества образования офицеров и его престижа [Там же, с. 15—16]. Наиболее заметным образом профессионализация офицерского корпуса прослеживается по российским военным агентам. Если до конца 1860-х годов главными критериями при назначении на соответствующий пост в европейской столице являлись знатность происхождения, высокое материальное положение и знание иностранных языков, то к 1870-м годам на первый план выходит именно наличие высшего военного образования. Так, в исследуемый период практически все военные агенты имели за плечами успешно освоенный «курс наук» либо в Николаевской академии Генерального штаба (Ф. А. Фельдман, л. А. Фредерикс, Н. В. Каульбарс), либо в Михайлов-

ских артиллерийских академии и училище (А. А. Даллер, А. П. Горлов, К. К. Ланц) [Алексеев, 2010, с. 447—477].

В период военных реформ Д. А. Милютин в развитие военной печати также вкладывалось много сил и средств для распространения новых знаний в «военном сословии», то есть в офицерском корпусе. На страницах ведомственных изданий, таких как «Военный сборник» и «Русский инвалид», объединенных в рамках единой редакции в 1869 году [Голиков, 2016, с. 6], печатались статьи, которые носили не только образовательный, но и прикладной характер, так как имели цель, с одной стороны, познакомить читателей с актуальными тенденциями в военном деле за рубежом, с другой — дать представление российским офицерам о потенциальных «противниках», «врагах», «соперниках» и «союзниках» России в 1870—80-х годах.

Источниковой базой исследования послужили воспоминания российских офицеров рассматриваемого исторического периода, таких как Д. А. Милютин [Милютин, 2006], А. Н. Куропаткин [Куропаткин, 2023], В. А. Сухомлинов [Сухомлинов, 1924], А. Н. Витмер [Витмер, 2005] и Л. Л. Зедделер [Зедделер, 1896; Зедделер, 1909]. Воззрения российских офицеров на армии европейских государств также нашли отражение на страницах ведомственных изданий «Военный сборник» и «Русский инвалид», где публиковались как общие сведения, почерпнутые из зарубежной военной прессы, так и отчеты по итогам командировок для наблюдений за военными маневрами и действиями экспедиционных войск, например, при оккупации австро-венгерской армией Боснии и Герцеговины в 1878—1879 годах [Оккупация Боснии ..., 1880].

Не менее важным источником являются донесения российских военных агентов [РГВИА], регулярно поставлявших сведения о зарубежных армиях в центральный орган российской военной разведки Военно-ученый комитет Главного штаба (ВУК ГШ). Их аналитика отражала не только актуальные взгляды российского офицерства на армии европейских государств, но и оказывала существенное влияние на формирование данных воззрений в среде высоких чинов Генерального штаба и офицеров строевой службы. Например, сведения военного агента в Париже Л. А. Фредерикса о Тунисской экспедиции французских войск печатались в «Военном сборнике» и «Русском инвалиде» [РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1881, д. 8, л. 19, 93, 137].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Армия Германии в представлениях российского офицерства в 1870—80-е годы

В восприятии германской армии российским офицерством в течение 1870—80-х годов прослеживаются две взаимосвязанные тенденции:

1) представление о германской армии как об идеальной на тот момент военной организации в наиболее важных компонентах строительства сухопутных вооруженных сил, а именно: система комплектования на основе всеобщей воинской повинности, подготовка нижних чинов, унтер- и обер-офицерского состава, уровень военно-технического оснащения и механизм высшего военного управления; 2) восприятие германской армии как наиболее грозного военного противника России.

По воспоминаниям адъютант-профессор Николаевской академии Генерального штаба (НАГШ) А. Н. Витмера, до Франко-германской войны 1870—1871 годов многим российским офицерам «и в голову никогда не приходила возможность пересаживания всех прусских порядков на нашу почву» [Витмер, 2005, с. 269]. Во многом это обуславливалось ориентацией российского Военного ведомства в тот период на французскую армию, считавшуюся с 1856 по 1870 годы самой сильной в Европе [Свечин, 1928, т. 2, с. 339]. В то же время победы прусского оружия в кампаниях 1864 и 1866 года не воспринимались именно как торжество собственно германской военной мысли и прусской армейской организации. В российской офицерской среде царили представления о том, что поражение Австрии в «Семинедельной войне» являлось результатом скорее технической отсталости ее армии в области стрелкового вооружения и следствием грубых ошибок австрийского командования, нежели достоянием прусского военного мастерства [Витмер, 2005, с. 256—257].

Однако последовавшие события Франко-германской войны 1870—1871 годов полностью перевернули прежние воззрения российских офицеров о германской армии. Военный министр Д. А. Милютин в своих воспоминаниях указывал: «Даже прежние противники немцев начали восторгаться необыкновенным совершенством, до которого доведено военное устройство в Пруссии, и глубокими, дальновидными соображениями прусских военачальников в противоположность французской неурядице и легкомыслию» [Милютин, 2006, с. 292]. Схожие комментарии содержатся в мемуарах полковника ГШ барона Л. Л. Зедделера, назначенного в июле 1870 года официальным российским военным наблюдателем при прусской армии [Зедделер, 1896, с. 490].

Сразу после событий 1870—1871 годов германский военный опыт стал объектом пристального изучения в среде российского офицерства с целью его приложения к системе российской военной подготовки. Как указывал в мемуарах Д. А. Милютин, под живым впечатлением громких успехов германской армии «все главные начальники более или менее взялись за дело рационального обучения войск, за распространение тактических знаний между офицерами и командирами частей» [Милютин, 2006, с. 442].

Так, крупнейший российский военный теоретик генерал-майор Г. А. Леер читал лекции по истории Франко-германской войны офицерам, обучавшимся в НАГШ. По воспоминаниям А. Н. Куропаткина, «в его талантливом изложении мы познакомились с ходом войны и причинами поражения французов. Мы увидели, как немцы систематично много лет подряд готовили себе победу...» [Куропаткин, 2023, с. 375]. Среди штабных офицеров российской армии в первой половине 1870-х годов получила распространение и практика проведения полевых поездок и военных игр по прусскому образцу [Юдин, 2021, с. 96], нацеленных на изучение потенциальных театров военных действий и подготовку офицеров к действиям в условиях военного времени.

На страницах российской военной периодики обсуждению Франко-германской войны и изучению германской армии также посвящалось значительное количество материалов. Так, за 1870—80-е годы в «Русском инвалиде», не считая рецензий на труды зарубежных авторов, было напечатано около двухсот заметок и статей [Систематический указатель Русского инвалида, 1891], а в «Военном сборнике» — более 160 [Систематический указатель Военного сборника, 1891]. О пристальном внимании российских властей к германскому военному опыту свидетельствуют и продолжительные командировки, которые организовывались для изучения военной системы Второго рейха. Так, полковник ГШ Н. В. Каульбарс в течение 1875—1876 годов неоднократно направлялся в Германию и совокупно провел там 8 месяцев с целью ознакомления с системой обучения в различных родах германских войск. На основе своих наблюдений он опубликовал цикл из 17 статей в «Военном сборнике», напечатанных в 1878 году отдельным изданием под заглавием «Заметки о германской армии» [Каульбарс, 1878]. В своей работе Н. В. Каульбарс подробно рассматривал процесс поступления новобранцев на военную службу, ход обучения солдат всех родов войск в течение года, обязанности и положение офицерского состава, внутренний армейский быт и т. д.

На страницах «заметок» полковника Н. В. Каульбарса германская армия представляла практически идеальным военным механизмом, главной характеристикой которого являлись «систематизм и методичность обучения, имеющего единственной целью боевую готовность войск» [Там же, с. 5]. В этом процессе автор отводил ведущую роль именно офицерскому корпусу, составлявшему, с его слов, «душу всей германской армии» [Там же, с. 423].

Несмотря на повышенный интерес к германской системе военной подготовки, стоит указать, что в среде российского офицерства были и сторонники более критического взгляда на ее организацию, полагавшие, что все ее элементы невозможно экстраполировать на российские реалии. На-

пример, полковник ГШ А. К. Пузыревский, читавший в НАГШ курс лекций по истории военного искусства, опубликовал в «Русском инвалиде» рецензию на «Заметки о германской армии» полковника Н. В. Каульбарса. В целом полковник А. К. Пузыревский высоко оценил данный труд, указав, что «преподаватели тактики и военной администрации найдут [в нем] немало поучительного каждый по своему предмету, тем более, что наша военная литература крайне бедна работами, относящимися до вопросов воспитания и обучения солдата». Но вместе с тем он критиковал Н. В. Каульбарса за излишнее преклонение перед германской военной системой без попытки ее критического анализа, без которого было невозможно сделать «общие выводы, равно приложимые для всех армий, и отбросить все то, что составляет в ней результат местных особенностей, предрассудков и традиционных привычек» [Пузыревский, 1879]. В частности, высокие результаты германской военной подготовки были обусловлены собственно высоким уровнем образования среди германского населения. Так, доля безграмотных из новобранцев призыва 1874 года в Германии составляла всего 3,72 % [Каульбарс, 1878, с. 63], в то время как в России — примерно 79 % от общего числа призванных в 1875 году в армию и на флот [Бескровный, 1973, с. 165]. В свою очередь А. К. Пузыревский в своих последующих трудах справедливо утверждал, что «воспитание [солдата] находится в тесной зависимости от образования, ибо род занятий определяет склад понятий и характер отношений» [Пузыревский, 1889, с. 68].

Следует отметить, что в этот в период в целом, как указывал в воспоминаниях В. А. Сухомлинов, «опыт франко-германской войны вызвал партийную рознь» [Сухомлинов, 1924, с. 16], выразившуюся в дебатах в среде российского офицерства относительно применимости / неприменимости германских военных практик в российской армии. Наиболее ярко эти дискуссии проявились в спорах, развернувшихся на страницах военной периодической печати, о наиболее оптимальной пехотной тактике [Юдин, 2021, с. 98—99, 195—197].

Также острыми дискуссиями сопровождалось обсуждение реформы системы высшего военного управления в России на прусский манер. 31 октября 1872 года полковник ГШ Ф. А. Фельдман, посетивший Германию для изучения практики проведения полевых поездок, составил для военного министра Д. А. Милютина пространную записку об устройстве «мозга» армии Второго рейха. В ней прослеживалась мысль о необходимости переложения германского опыта на российский военный механизм [РГВИА, ф. 401, оп. 2, 1872, д. 71, л. 58; РГВИА, ф. 432, оп. 1, д. 202, л. 2—17 об.]. В Пруссии к 1860-м годам постепенно сложилась система высшего военного управления, центральным звеном которой являлся Большой Генеральный штаб во

главе с Г. фон Мольтке. Состоявшие в данной структуре офицеры полностью отвечали, по словам Ф. А. Фельдмана, «научным требованиям» в подготовке государства к войне. В мирное время они занимались сбором военно-статистических данных об иностранных армиях, «необходимых для разработок планов кампаний», изучением военно-топографических сведений о сопредельных с Германией странах и составлением планов перевозок германских войск по железным дорогам для сосредоточения армии на ключевых стратегических направлениях [Там же, л. 4 об.]. При этом Большой Генеральный штаб представлял собой учреждение, «независимое от Военного министерства и подчиненное особому начальнику», который был ответственен только перед верховным главнокомандующим вооруженными силами — германским кайзером [Там же, л. 2 об.].

В России же в результате реформ Д. А. Милютин сложился механизм, при котором ГШ, как и во Франции, полностью подчинялся компетенциям военного министра. Это способствовало частому преобладанию экономических потребностей над военной целесообразностью. Опыт последующей Русско-турецкой войны 1877—1878 годов наглядно показал, что такой подход к организации военного управления приводил к игнорированию мнения высококвалифицированных офицеров ГШ при оценке средств и военных возможностей противника [Айрапетов, 2017, с. 207—209].

Заметки полковника Ф. А. Фельдмана встретили резкое неприятие со стороны военного министра. Ознакомившись с их содержанием, Д. А. Милютин указывал: «По моему мнению, это сравнение прусского Генерального штаба с нашим <...> не должно вести к безусловному подражанию и к переделке нашего Генерального штаба. Каждое государство, а также и каждая армия — имеют свои условия, свои традиции, свои обычаи. Что хорошо для одной, может быть совершенно непригодно для другой...» [РГВИА, ф. 401, оп. 2, 1872, д. 71, л. 65—65 об.]. Частичное объяснение реакции военного министра представлено в мемуарах барона Л. Л. Зедделера. По его свидетельствам, для Д. А. Милютин в целом было свойственно «нерасположение к Пруссии» [Зедделер, 1909, с. 925]. К тому же проводимые им реформы встретили резкую критику в конце 60-х — начале 70-х годов со стороны консервативной прослойки российской военной элиты и ее наиболее видного представителя в лице фельдмаршала А. И. Барятинского [Зайончковский, 1945, с. 19; Меннинг, 2015, с. 34—39]. По воспоминаниям того же Л. Л. Зедделера, «не меньшее влияние на министра произвело то обстоятельство, что успехи германцев разрушили верования его в силу французской организации, которой он придерживался при преобразованиях, предпринятых им в нашей армии» [Зедделер, 1909, с. 925—926]. Соответственно, предложение о реорганизации российского ГШ по образцу

германского становилось очередным «камнем в огород» Д. А. Милютин. Поэтому скромные рекомендации полковника Ф. А. Фельдмана, вероятно, воспринимались военным министром не иначе как прямая критика программы его собственных армейских преобразований.

Несмотря на сопротивление господству германских порядков в российских войсках, в целом армия Второго рейха воспринималась российскими офицерами в качестве идеала. Военный агент в Берлине полковник А. А. Даллер по итогам осенних маневров 1879 года в отчете указывал: «Нельзя не высказать своего глубокого убеждения в том, что армия эта с ее отличной, испытанной организацией, с ее боевой готовностью относительно вооружения, обмундирования и ее безграничной преданности императору, наконец, с вдохновляющим ее патриотизмом, есть армия образцовая...» [РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 17, л. 199].

Данные воззрения на германскую армию неизбежно влекли за собой формирование представлений о ней как о грозном военном противнике, столкновение с которым могло оказаться весьма вероятным в обозримом будущем ввиду политических и географических факторов. Кроме того, после достижения победы над Францией правительство единой Германии продолжало осуществлять последовательные меры по развитию своих вооруженных сил. Как писал российский военный агент в Берлине А. А. Даллер, «после французской войны Германия употребила все свои усилия для увеличения, насколько было возможно, не только своих наступательных средств, но и средств оборонительных» [Там же, л. 202—202 об.]. В течение 1870-х годов, согласно его донесениям, в Германии увеличивалось количество крупных тактических единиц, строились новые линии стратегических железных дорог, быстрыми темпами шел процесс перевооружения армии новыми винтовками Маузера образца 1871 года и крупнокалиберной артиллерией Круппа [РГВИА, ф. 432, оп. 1, д. 201]. В записке о «численности германской армии» от 15 мая 1879 года полковник А. А. Даллер указывал, что в случае большой европейской войны Германия была состоянии выставить в кратчайшие сроки полевую армию численностью более 1 млн чел., «укомплектованную исключительно людьми, служившими и вполне обученными, снабженную полным числом лучших офицеров, вооруженных ружьями новейшей системы и снабженную современной дальнбойной артиллерией» [РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 17, л. 119 об. — 120 об.].

Учитывая появление могущественного потенциального противника на западной границе Российской империи, глава ВУК ГШ генерал-майор Н. Н. Обручев (с 1881 года — начальник ГШ) в 1873 году подготовил для военного министра Д. А. Милютин записку об обороне России, в которой был изложен план потенциальной войны с Германией и Австро-Венгрией,

а также масштабная программа по возведению крепостей и развитию железнодорожной сети [Айрапетов, 2017, с. 130—131; Зайончковский, 1952, с. 280—288; Меннинг, 2015, с. 35—37; Армия и флот ..., 2019, с. 107]. В течение последующих десятилетий эта программа составляла фундамент российского военного строительства на западных границах империи.

Стратегические замыслы генерала Н. Н. Обручева, изложенные им в записке 1873 года, лежали в основу системы обучения офицеров корпуса ГШ. В 1874 году офицерам-выпускникам НАГШ на дополнительном курсе помимо сочинений по военной истории и военному искусству ставилась «стратегическая задача», в рамках которой им следовало разработать в течение трех месяцев отдельные положения плана войны с Германией и Австро-Венгрией. Так, В. А. Сухомлинову было поручено составить проект вторжения российской кавалерии в пределы Второго рейха для разрушения железных дорог с целью сорвать мобилизацию и развертывание германских войск и тем самым нивелировать затяжной процесс сосредоточения российской армии на западной границе империи. Данный маневр являлся одним из краеугольных камней стратегического видения генерала Н. Н. Обручева [Сухомлинов, 1924, с. 13]. А. Н. Куропаткину в свою очередь было дано задание составить план наступательных операций отдельного армейского корпуса для вторжения в Западную Галицию [Куропаткин, 2023, с. 383].

Несмотря на преобладание в 1870-х годах тенденции восприятия германской армии как потенциального военного противника, многие представители российского офицерства все же четко отделяли вопросы собственно внешней политики от чисто военной сферы, придерживаясь знаменитой формулы Карла фон Клаузевица, что «война есть продолжение политики другими средствами». Генерал В. А. Сухомлинов впоследствии в своих мемуарах писал: «Многозначительный вопрос германо-австро-венгерского союза, волновавший тогда кабинеты всех государств, в нашем [офицерском] кругу не играл никакой роли. Это было дело министерства иностранных дел, а моя задача — чисто технико-кавалерийская» [Сухомлинов, 1924, с. 14]. Генерал А. Н. Куропаткин в воспоминаниях также указывал, что в этот период «вопросами политическими мы интересовались только в связи с вопросами военными» [Куропаткин, 2023, с. 379].

Однако российско-германские отношения во второй половине 1870-х годов, несмотря на формирование в 1873 году «Союза трех императоров» — России, Германии и Австро-Венгрии, стали резко ухудшаться в свете «военной тревоги» 1875 года и последующего Восточного кризиса 1875—1878 годов. Камнем преткновением между Россией и Германией стали результаты Берлинского конгресса 1878 года, в ходе которого Берлин поддержал претензии Вены и Лондона к Петербургу по итогам Русско-ту-

рецкой войны 1877—1878 годов. В связи с этим германская армия в представлении российского офицерства постепенно трансформировалась из потенциального «противника» в наиболее вероятного и самого грозного «врага». Генерал Н. Н. Обручев в записке от 15 марта 1879 года констатировал: «Немецкая политика все теснее связывает против нас совокупные силы Германии, Австро-Венгрии и Румынии, и наши границы уже тесно обложены целым поясом параллельных и перекрестных путей с сильными опорными пунктами и выгодными узлами для сосредоточения вторгающихся армий» [РГВИА, ф. 401, оп. 2, 1868, д. 75, л. 52 об.].

Также об этой трансформации свидетельствуют отчеты о маневрах германских войск в 1879 году, составленные полковником А. А. Даллером и генерал-адъютантом М. Д. Скобелевым. Последний искренне считал Второй рейх врагом, война с которым неизбежна в обозримом будущем [Масальский, 1998, с. 144]. Поэтому в германских армейских учениях он стремился выявить прежде всего недостатки системы подготовки немецких войск, чтобы использовать эти слабости в предстоявшем столкновении. В этой связи в рапорте М. Д. Скобелева по итогам маневров 1879 года содержалась значительная критика германских военных порядков, прежде всего преобладания «рутины наступательных охватов» и чрезмерного стремления атаковать «в лоб» наиболее труднодоступные позиции противника, и «притом в боевом порядке до крайности сгущенном» [Там же, с. 217—218; Юдин, 2021, с. 192; Апушкин, 1914, с. 22—23].

Отношение «Белого генерала» к германской армии во многом обуславливалось не только сложившейся внешнеполитической обстановкой после Берлинского конгресса, но и его симпатиями к славянофильству, в связи с чем М. Д. Скобелев рассматривал будущее противостояние России и Германии как «священную войну» между «славянами» и «тевтонами» [Там же, с. 86—87]. В свою очередь полковник А. А. Даллер заочно полемизировал с «Белым генералом», упрекая его в недооценке боеспособности германских войск. На страницах своего рапорта он указывал, что «тот, кто будет судить о германских войсках исключительно по их большим маневрам, жестоко ошибется. Означенные некоторые несообразности сознаются очень хорошо и самими прусскими офицерами <...>. На своих же летних полевых занятиях войска маневрируют совсем иначе и вполне сообразно с преследуемой целью, то есть подготовлением войск к действию в действительном (то есть в реальном. — А. А.) бою» [РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 17, л. 195—195 об.]. В конце своего отчета полковник А. А. Даллер обоснованно заключал, что германская армия «вряд ли сокрушимая в данную минуту» [Там же, л. 199].

Несмотря на попытки российско-германского сближения, которые выразились в возобновлении «Союза трех императоров» в 1881 году и

продлении договоренностей в 1884 году, все же в течение 1880-х годов сохранялась высокая напряженность в отношениях между Петербургом и Берлином. Помимо поддержки амбиций Австро-Венгрии в ее балканской политике в противовес России, Германия постепенно увеличивала свое влияние на Высокую Порту за счет отправления военной миссии, в обязанности которой входило реформирование и обучение турецкой армии. Также российский военный агент в Константинополе полковник ГШ В. Н. Филиппов в 1882 году докладывал в Петербург, что под начальством шефа Большого Генерального штаба Г. фон Мольтке в Берлине занимались составлением проекта обороны Босфора [Томилин, 2020, с. 22]. Поэтому Германия стала восприниматься российским офицерством как барьер на пути к достижению ключевой внешнеполитической цели империи Романовых — к захвату Константинополя и черноморских проливов. Генерал М. Д. Скобелев считал, что «путь в Константинополь должен быть избран не только через Вену, но и через Берлин» [Апушкин, 1914, с. 68]. В данном вопросе особенного внимания заслуживает пространная записка генерал-майора Л. Н. Соболева от 22 марта 1887 года, представленная им на рассмотрение начальника ГШ Н. Н. Обручева. Автор приводил последовательную аргументацию о необходимости переконфигурировать стратегию империи Романовых на внешнем контуре, особенно в контексте сотрудничества с блоком Центральных держав — Германии и Австро-Венгрии, которые, по его мнению, выступали серьезным препятствием на пути к Босфору. Согласно аргументации Л. Н. Соболева, овладение проливом давало «России твердую базу для военных действий как в Малой Азии, так и на Балканском полуострове, то есть поставило бы ее в угрожающее положение относительно Австро-Венгрии, и вместе с тем позволило бы перевести все войска с черноморского побережья к западной границе, иначе говоря, усилило бы нашу западную пограничную армию на три корпуса» [РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 596, л. 40 об.]. Автор справедливо задавался вопросом: «Может ли Германия искренно желать подобного оборота дел?» [Там же].

Стоит отметить, что после Берлинского конгресса 1878 года высшее российское командование выстраивало стратегические планы исходя из логики коалиционного противостояния. Предполагалось, что будущий вооруженный конфликт будет носить общеевропейский характер [Айрапетов, 2018, с. 643]. В одной из записок, составленных в январе 1888 года, генерал-майор А. Н. Куропаткин указывал: «Эта война, вероятные размеры которой должны превзойти все, что до сих пор видело грозного чело-вечество, для всех народов Европы представляется страшным бедствием» [РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1887, д. 60, л. 107]. В случае войны с Австро-Венгрией и Германией одной из зон противостояния должен был стать Босфор,

что, согласно воззрениям генерала Н. Н. Обручева, подразумевало возможность «вмешательства румын, турок и англичан» [РГВИА, ф. 402, оп. 2, д. 76, л. 10 об.]. Соответственно, в этой комбинации именно Германия воспринималась как «опаснейший враг, располагающий наиболее прочно-устроенной, опытной и хорошо командуемой армией. Только победа над Германией может нам дать окончательную победу [в общеевропейской войне]» [Там же, л. 23].

3.2. Армия Австро-Венгрии в представлениях российского офицерства в 1870—80-е годы

Если Германия к 80-м годам прочно заняла место «врага» России, то в качестве ее естественного «соперника» воспринималась Австро-Венгрия. Основные разногласия между двумя империями касались раздела сфер влияния на Балканах в рамках Восточного вопроса. После поражений в войнах 1859 и 1866 года Дунайская монархия стала ориентироваться на расширение своего политического и экономического присутствия в балканских владениях османского султана в противовес России. Это коренное противоречие отмечали российские офицеры. Военный агент в Вене полковник ГШ Ф. А. Фельдман в рапорте от 14 ноября 1876 года указывал, что, в отличие от России, добивавшейся независимости христианских народов от Высокой Порты, Австро-Венгрия направляла «все усилия к принижению Сербии и турецких славян, ввиду опасности, угрожающей <...> в случае образования на Балканском полуострове независимых славянских государств» [РГВИА, ф. 431, оп. 1, д. 49, л. 15 об.]. В 1870—80-е годы в среде российского офицерства формировались представления о неизбежности в скором времени военного столкновения между Россией и Австро-Венгрией, несмотря на заключенный «Союз трех императоров» в 1873 году. Однако армия последней, в отличие от германской, не воспринималась в качестве сильного военного противника и злейшего врага, поскольку считалось, что империя Габсбургов, по выражению генерал-майора А. Н. Куропаткина, «шла все это время на буксире у своей могущественной союзницы [Германии]» [РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1887, д. 60, л. 70].

Организация сухопутных вооруженных сил Двуетной монархии, по мнению российских офицеров, повторяла германскую, но при этом уступала ей практически по всем ключевым параметрам. Как писал в одном из рапортов военный агент в Вене Ф. А. Фельдман, в австро-венгерской армии «в новейшее время много перенято у пруссаков, однако больше внешняя сторона, суть осталась неувоенной» [РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 60, л. 91 об.]. После поражения в «Семинедельной войне» 1866 года в империи Габсбургов начались структурные реформы в военной сфере. Указом от 5 декабря 1868 года была введена всеобщая воинская повинность. Вооруженные силы

Австро-Венгрии во многом копировали структуру германской армии и подразделялись на: 1) регулярные войска и резерв; 2) ландвер в Австрии и гонвед в Венгрии; 3) ландштурм; 4) эрзац-резерв. По данным Ф. А. Фельдмана на 1878 год, в мирное время вооруженные силы Двуетидной монархии составляли 269 тыс. чел. при 716 орудиях, но в случае войны правительство могло развернуть армию численностью чуть более 1 млн чел. при 1604 орудиях [РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1878, д. 14, л. 37 об.–38]. По наблюдениям российского военного агента в Вене, «в действующих войсках тактическое образование хорошее, пехота стреляет очень недурно, тщательно обучена рассыпному строю и умеет применяться к местности, егеря во всех отношениях выше линейной пехоты» [Там же, л. 38—38 об.]. Но, комментируя уровень подготовки вспомогательных категорий вооруженных сил, генерал Ф. А. Фельдман писал: «Ландвер и гонвед значительно отстали от армии. Состоя преимущественно из новобранцев, они имеют вид милиции и до введения в бой нуждаются в серьезном обучении» [Там же, л. 38 об.]. Также, по замечаниям Ф. А. Фельдмана, во всех родах оружия австро-венгерской армии серьезно сказывался «недостаток в унтер-офицерах» [РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 60, л. 89/об.], а «состав австрийских офицеров незавиден», поскольку «умственное их развитие и образование одинаково скудны» и «любовь к ремеслу составляет редкое исключение» [Там же, л. 90 об.–91].

Критике российские офицеры подвергали и принцип формирования высших тактических единиц, а также механизм мобилизации австро-венгерских войск. В отличие от российской и германской армий, австро-венгерские дивизии с целью экономии средств формировались как из регулярных и резервных частей, так и из ландвера и гонведа, вследствие чего уровень боеспособности подобных соединений оставлял желать лучшего [Оккупация Боснии, 1880, с. 354]. Кроме того, генерал Ф. А. Фельдман указывал, что в Австро-Венгрии была принята территориальная система укомплектования полков, однако зачастую она не совпадала с местом их фактической дислокации. Но при этом в случае мобилизации «австрийские войска приводятся на военное положение не на месте своего расположения, а в соответствующих округах пополнения» [РГВИА, ф. 428, оп. 1, д. 119, л. 20; РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1878, д. 14, л. 75]. В результате происходила, по замечаниям российского военного агента в Вене полковника Н. В. Каульбарса, «коренная перетасовка частей, собиранье отдельных батальонов и полков, разбросанных по корпусам и дивизиям, одним словом, формирование из тех же войск мирного времени новых бригад и дивизий» [РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1883, д. 3, л. 42].

Не менее существенным недостатком австро-венгерской армии российские офицеры считали ее пестрый этноконфессиональный состав, по-

сколько идея национального сплочения, по мнению многих современников, являлась одним из главных элементов формирования надежных вооруженных сил. Как указывал полковник ГШ Л. Л. Зедделер, опиравшийся на германский военный опыт, было необходимо, «чтобы при слове война вся нация, вся интеллигенция, все средства государства жили и служили для одной войны» [Зедделер, 1872, с. 35].

Согласно данным военного агента в Вене Ф. А. Фельдмана на 1875 год, численность австрийских немцев от общего числа солдат, состоявших на службе, составляла всего 29,3 %, венгров — 17,7 %, а оставшуюся часть представляли чехи, словаки, поляки, хорваты, румыны, сербы, итальянцы и другие народы [Австро-Венгрия ..., 1879, с. 30]. Эта особенность австро-венгерской армии, с точки зрения генерала Ф. А. Фельдмана, наиболее явственно проявляла себя в кавалерии, где «драгуны — немцы или чехи, нередко говорящие по-немецки, уланы — сплошь поляки, а гусары — все мадьяры. Это весьма неблагоприятно для разведывательной службы; при нетвердом знании полкового языка и свой офицер не всегда поймет сведения...» [РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 60, л. 88 об.]. В то же время российские офицеры видели в «племенном» составе австро-венгерской армии слабость, которой следовало воспользоваться в случае войны с Двуетидной монархией. В феврале 1878 года генерал Н. Н. Обручев, составляя план кампании против коалиции Турции, Великобритании и Австро-Венгрии, чтобы отстоять итоги Русско-турецкой войны, особо указывал: «...надо иметь в виду, что в войне с нами Австрия будет крайне затруднена распределением своих сил. Составленная наполовину из славян, австро-венгерская армия будет представлять великую рознь в своих стремлениях, и, если немцы и венгерцы будут рваться вперед, зато другие национальности отнесутся к делу апатично или положительно враждебно» [Алпеев, 2021, с. 46].

Воззрения российских офицеров на австро-венгерскую армию, сформировавшиеся к концу 1870-х годов, подтверждала кампания в Боснии и Герцеговине, право оккупации которых Австро-Венгрия получила по итогам Берлинского конгресса. Помимо российского военного агента Ф. А. Фельдмана, следившего за ходом экспедиции из Вены, к штабу оккупационного корпуса в качестве официальных российских военных наблюдателей были причислены полковник ГШ Н. В. Каульбарс и капитан ГШ Ф. Ф. Палицын [РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1878, д. 14, л. 447]. Последний по итогам кампании опубликовал серию заметок в «Военном сборнике», где подробно раскрывал ход военных действий, а также недостатки военной организации Австро-Венгрии и просчеты ее высшего военного командования [Оккупация Боснии ..., 1880].

В целом российские офицеры отмечали, что ход мобилизации и сосредоточения экспедиционного корпуса прошли успешно, несмотря на

существенные недостатки австрийской военной системы. Первоначально общая численность оккупационного 13-го корпуса составила 94 233 чел. при 128 орудиях [РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1878, д. 14, л. 175 об.]. Однако капитан Ф. Ф. Палицын считал, что данное количество войск было недостаточно для оккупации Боснии и Герцеговины, а военное министерство и правительство Двуетидной монархии, стремясь сэкономить финансовые средства, совершили грубую ошибку, имевшую серьезные военные последствия [Оккупация Боснии ..., 1880, с. 354]. Невзирая на первоначальные успехи в борьбе с повстанцами, вскоре восстание в Боснии и Герцеговине приобрело масштабы, из-за которых «правительство <...> сочло нужным значительно усилить оккупационный корпус» [РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1878, д. 14, л. 279 об.]. Вскоре была сформирована особая II армия общей численностью 160 тыс. чел. [Там же, л. 322], в результате чего «оккупация Боснии обошлась Австрии так дорого, что теперь внимание правительства поглощено исключительно финансовым вопросом» [Там же, л. 447 об.].

Общее отношение российского офицерства к результатам кампании в Боснии и Герцеговине ярко характеризует следующий эпизод. В начале апреля 1879 года в венгерской газете «Пестер Ллойд» была опубликована заметка. По сведениям редакции, российский военный агент Ф. А. Фельдман представил военному министру Д. А. Милютину подробные отчеты о состоянии австро-венгерской армии, сделанные на основе анализа кампании в Боснии и Герцеговине. Эти рапорты, как заявлялось в газете, содержали довольно резкую критику в адрес австрийского ГШ и аппарата высшего военного управления вооруженными силами Двуетидной монархии, а также замечания генерала Ф. А. Фельдмана относительно низкой эффективности механизма мобилизационного развертывания и снабжения австро-венгерских войск. В частности, приводилась следующая сентенция: «Ввиду возможной войны между нашей монархией и Россией военный атташе [Фельдман] охарактеризовал австро-венгерскую армию как “неопасную” в настоящее время» [Pester Lloyd, 1879, № 80].

Касаясь достоверности истории, опубликованной на страницах «Пестер Ллойд», стоит допустить, что подобный эпизод вполне мог иметь место в реальности. Как указывалось выше, для генерала Ф. А. Фельдмана действительно был характерен критический взгляд на армию Двуетидной монархии. Кроме того, в Петербурге прекрасно осознавали, что в актуальных внешнеполитических реалиях главная опасность для России исходила не от Австро-Венгрии, а от Германии, которая все более активно вовлекала в орбиту своего влияния ближайших соседей.

Таким образом, по мнению многих российских офицеров, в обозримом будущем Россия могла быть вынуждена противостоять сильной военной ко-

алиции, в которой прежде было необходимо найти слабое звено, чтобы избежать перспективы ведения строго оборонительной войны, медленно истощающей ресурсы государства, как в 1853—1856 годах. И в качестве такого слабого звена как Ф. А. Фельдманом, так и Н. Н. Обручевым вполне обоснованно признавалась именно Австро-Венгрия. Комментируя заключение Двойственного союза между Веной и Берлином 7 октября 1879 года, генерал Ф. А. Фельдман в донесении от 8 февраля 1880 года подмечал это обстоятельство, указывая, что «Австро-Венгрия не имеет в виду в ближайшем будущем воевать с нами, а скорее боится нападения с нашей стороны» [РГВИА, ф. 428, оп. 1, д. 194, л. 71]. Генерал Н. Н. Обручев, составляя новый план кампании против Австро-Венгрии и Германии в 1887 году, в свою очередь писал, что «армия австрийская многочисленна, но не высокой пробы, как и сама монархия Габсбургов обширна, но плохо в частях своих спаяна» [РГВИА, ф. 402, оп. 2, д. 76, л. 24об.]. В этой связи неудивительно, что из трех вариантов развертывания российских вооруженных сил на западной границе империи на 1887 год в двух — «А» и «Б» — предполагалось прежде всего «нанести быстрое и решительное поражение австрийцам» [Там же, л. 27].

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. В течение 1870—80-х годов в среде российских офицеров складывались представления о «соперниках», «противниках» и «врагах» Российской империи. Формирование и трансформация данных воззрений были обусловлены сразу несколькими факторами, прежде всего дальнейшим развитием военного дела как в самой России, так и в европейских государствах, а также конкретными внешнеполитическими обстоятельствами. Это приводило к созданию образа «идеальной армии», которая одновременно выступала «грозным военным противником» в представлении российских офицеров. При этом наличие такого «противника» создавало серьезную угрозу безопасности империи, в связи с чем было необходимо своевременно определить «врагов», «соперников» и «союзников» во внешнеполитической конфигурации. Исходя из данной парадигмы, можно заключить, что к 1880-м годам в качестве главного «врага» и наиболее опасного «противника» воспринималась Германия, которая обеспечивала политическую поддержку ключевому «сопернику» России в Восточном вопросе — Австро-Венгрии. Поэтому, несмотря на неоднократную пролонгацию «Союза трех императоров», армии Германии и Австро-Венгрии в исследуемый период рассматривались российскими офицерами в качестве «врагов» и «соперников» России. Данные представления оказывали непосредственное влияние на процесс российского военно-стратегического планирования в 1870—80-х годах.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Австро-Венгрия*. Отдел II. Вооруженные силы. — Санкт-Петербург : Воен. учен. ком. Гл. штаба, 1879. — Ч. 1. — 476 с.
2. *Витмер А. Н.* Что видел, слышал, кого знал / А. Н. Витмер. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2005. — 749 с. — ISBN 5-7331-0332-9.
3. Зедделер, 1896 — *Зедделер Л. Л.* Двадцать пять лет назад (отрывок из дневника) / Л. Л. Зедделер // Исторический вестник. — 1896. — Т. 64. — С. 480—508.
4. Зедделер, 1909 — *Зедделер Л. Л.* Отрывки из воспоминаний / Л. Л. Зедделер // Исторический вестник. — 1909. — Т. 115. — С. 918—941.
5. Зедделер, 1872 — *Зедделер Л. Л.* Пехота, артиллерия и кавалерия в бою и вне боя, в германо-французской войне 1870—71 годов / Л. Л. Зедделер // Военный сборник. — 1872. — № 7. — С. 33—114.
6. *Каульбарс Н. В.* Заметки о германской армии, составленные по сведениям, собранным во время командировок в Германию в 1875—1876 годах / Н. В. Каульбарс. — Санкт-Петербург : Типография В. А. Полетики, 1878. — 500 с.
7. *Куропаткин А. Н.* 70 лет моей жизни : воспоминания А. Н. Куропаткина : в 3 томах / А. Н. Куропаткин. — Челябинск : Авто Граф, 2023. — Т. 1. — 750 с. — ISBN 978-5-98518-142-5.
8. *Милютин Д. А.* Воспоминания. 1868—1873 / под ред. Л. Г. Захаровой. — Москва : РОССПЭН, 2006. — 736 с. — ISBN 5-8243-0350-9.
9. *Оккупация Боснии*. Из записок очевидца // Военный сборник. — 1880. — № 6. — С. 341—347.
10. Пузыревский, 1879 — *Пузыревский А. К.* Заметки о германской армии / А. К. Пузыревский // Русский инвалид [газета]. — 1879. — № 37. — С. 78—84.
11. Пузыревский, 1889 — *Пузыревский А. К.* Русская армия перед войной 1877—1878 годов / А. К. Пузыревский. — Санкт-Петербург : В. Березовский, 1889. — 79 с.
12. РГВИА — *Русский государственный военно-исторический архив*. Ф. 400 (Главный штаб Военного министерства). Оп. 4. Д. 596 ; Ф. 401 (Военно-ученый комитет Главного штаба). Оп. 2. 1868. Д. 75 ; Ф. 401. Оп. 2. 1872. Д. 71 ; Ф. 401. Оп. 3. 1878. Д. 14 ; Ф. 401. Оп. 3. 1879. Д. 17 ; Ф. 401. Оп. 3. 1879. Д. 60 ; Ф. 401. Оп. 4. 1881. Д. 8 ; Ф. 401. Оп. 4. 1883. Д. 3 ; Ф. 401. Оп. 4. 1887. Д. 60 ; Ф. 402 (Комитет по мобилизации войск Главного штаба). Оп. 2. Д. 76 ; Ф. 428 (Австрия). Оп. 1. Д. 119 ; Ф. 428. Оп. 1. Д. 194 ; Ф. 431 (Великобритания). Оп. 1. Д. 49 ; Ф. 432 (Германия). Оп. 1. Д. 201 ; Ф. 432. Оп. 1. Д. 202.
13. *Систематический указатель* Военного сборника за 1858—1890 гг. — Санкт-Петербург : Типография Департамента Уделов, 1891. — 304 с.
14. *Систематический указатель* Русского инвалида за 1869—1890 гг. — Санкт-Петербург : Типография Департамента Уделов, 1891. — 392 с.
15. *Сухомлинов В. А.* Воспоминания / В. А. Сухомлинов. — Берлин : Рус. универс. изд-во, 1924. — 438 с.
16. *Pester Lloyd [Zeitung]*. — 1879. — Nr. 80.

Литература

1. *Айрапетов О. Р.* Внешняя политика Российской империи. 1801—1914 гг. : в 4 т. Внешняя политика императоров Александра II и Александра III. 1855—1894 / О. Р. Айрапетов. — Москва : Кучково поле, 2018. — Т. 3. — 904 с. — ISBN 978-5-9950-0905-4.

2. *Айрапетов О. Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830—1904) : портрет на фоне эпохи : биография / О. Р. Айрапетов. — Москва : Русская книга : Алгоритм, 2017. — 496 с. — ISBN 978-5-906914-73-6.

3. *Армия и флот в геополитических интересах России.* — Москва : Институт российской истории РАН ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2019. — 368 с. — ISBN 978-5-8055-0354-3.

4. *Алексеев М. Н.* Военная разведка в Российской империи — от Александра I до Александра II / М. Н. Алексеев. — Москва : Вече, 2010. — 480 с. — ISBN 978-5-9533-4485-2.

5. *Алпеев О. Е.* Война после победы? Планы генерала Н. Н. Обручева на случай борьбы с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции (1878 г.) / О. Е. Алпеев // Вопросы истории. — 2021. — № 11—1. — С. 28—55. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202111Statyi03.

6. *Апушкин В. А.* Скобелев о немцах. Его заветы Славянству / В. А. Апушкин. — Петроград : Издание Товарищества И. Д. Сытина, 1914. — 100 с.

7. *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России / Л. Г. Бескровный. — Москва : Наука, 1973. — 616 с.

8. *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917—1922 гг. : Справочные материалы / А. В. Ганин. — Москва : Русский путь, 2009. — 895 с.

9. *Голиков А. Г.* «В нашей армии настало время коренных и обширных преобразований» (журнал «Военный сборник» и газета «Русский инвалид» в период милютинских реформ 1860—1870-х гг.) / А. Г. Голиков // Российская история. — 2016. — № 6. — С. 3—14.

10. *Зайончковский П. А.* Военные реформы 1860—1870 гг. В России / П. А. Зайончковский. — Москва : Издательство Московского университета, 1952. — 368 с.

11. *Зайончковский П. А.* Военные реформы Д. А. Милютин / П. А. Зайончковский // Вопросы истории. — 1945. — № 2. — С. 3—26.

12. *Ланник Л. В.* Русский фронт, 1914—1917 годы / Л. В. Ланник. — Санкт-Петербург : Наука, 2018. — 287 с. — ISBN 978-5-02-039679-1.

13. *Масальский В. Н.* Скобелев : Исторический портрет / В. Н. Масальский. — Москва : Андреевский флаг, 1998. — 414 с. — ISBN 5-85608-248-6.

14. *Меннинг Б.* Пуля и штык. Армия Российской империи, 1861—1914 / Б. Меннинг. — Москва : Модест Колеров, 2015. — 424 с. — ISBN 978-5-905040-19-1.

15. *Свечин А. А.* Эволюция военного искусства / А. А. Свечин. — Москва — Ленинград : Гос. изд-во, Отдел военной лит., 1928. — Т. 2. — 619 с.

16. *Сергеев Е. Ю.* «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России. 1900—1914 гг. / Е. Ю. Сергеев. — Москва : Российская акад. наук. Ин-т всеобщ. Истории, 2001. — 282 с. — ISBN 5-94067-045-8.

17. *Томилини А. Р.* Русская военная разведка на Босфоре в 1878—1885 гг. / А. Р. Томилини // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2020. — № 4 (23). — С. 6—32. — DOI 10.24411/2409-1413-2020-10090.

18. *Юдин С. С.* Солдат империи. Генерал М. И. Драгомиров. Реформатор. Учитель. Военачальник / С. С. Юдин. — Москва : Яуза-каталог : Издательский дом «Российское военно-историческое общество», 2021. — 336 с. — ISBN 978-5-00155-437-0.

19. *Persson G.* Learning from Foreign Wars : Russian Military Thinking, 1859—73 / G. Persson. — Solihull, West Midlands : Helion, 2010. — 182 p. — ISBN 9781906033613.

20. *Rich D. A.* The Tsar's Colonels : Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia / D. A. Rich. — Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1998. — 293 p. — ISBN 0-674-91111-3.

Статья поступила в редакцию 05.07.2024,
одобрена после рецензирования 09.09.2024,
подготовлена к публикации 18.09.2024.

Material resources

- Austria-Hungary. Division II. The armed forces, 1.* (1879). St. Petersburg: Military. scientific Committee of the General Staff. 476 p. (In Russ.).
- Kaulbars, N. V. (1878). *Notes on the German army, compiled according to information collected during business trips to Germany in 1875—1876.* St. Petersburg: V. A. Pole-tiki Printing House. 500 p. (In Russ.).
- Kuropatkin, A. N. (2023). *70 years of my life: memoirs of A. N. Kuropatkin: in 3 volumes, 1.* Chelyabinsk: Avto Graf. 750 p. ISBN 978-5-98518-142-5. (In Russ.).
- Milyutin, D. A. (2006). *Memoirs. 1868—1873.* Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 736 p. ISBN 5-8243-0350-9. (In Russ.).
- Pester Lloyd [Zeitung].* —1879.— Nr. 80.
- Puzyrevsky, 1879 — Puzyrevsky, A. K. (1879). Notes on the German army. *Russian invalid [newspaper]*, 37: 78—84. (In Russ.).
- Puzyrevsky, 1889 — Puzyrevsky, A. K. (1889). *The Russian army before the war of 1877—1878.* St. Petersburg: V. Berezovsky. 79 p. (In Russ.).
- RGVIA — *Russian State Military Historical Archive. F. 400 (Main Headquarters of the Ministry of War).* (In Russ.).
- Sukhomlinov, V. A. (1924). *Memoirs.* Berlin: Russian University Publishing House. 438 p. (In Russ.).
- Systematic index of the Military Collection for 1858—1890.* (1891). St. Petersburg: Printing House of the Department of Estates. 304 p. (In Russ.).
- Systematic index of the Russian invalid for 1869—1890.* (1891). St. Petersburg: Printing House of the Department of Estates. 392 p. (In Russ.).
- The occupation of Bosnia. From the notes of an eyewitness. (1880). *Military collection*, 6: 341—347. (In Russ.).
- Vitmer, A. N. (2005). *What he saw, heard, whom he knew.* St. Petersburg: Academic Project. 749 p. ISBN 5-7331-0332-9. (In Russ.).
- Zeddeler, 1872 — Zeddeler, L. L. (1872). Infantry, artillery and cavalry in battle and out of battle, in the German-French war of 1870—71. *Military collection*, 7: 33—114. (In Russ.).
- Zeddeler, 1896 — Zeddeler, L. L. (1896). Twenty-five years ago (excerpt from diary). *Historical Bulletin*, 64: 480—508. (In Russ.).
- Zeddeler, 1909 — Zeddeler, L. L. (1909). Excerpts from memoirs. *Historical Bulletin*, 115: 918—941. (In Russ.).

References

- Airapetov, O. R. (2017). *Adjutant General Nikolai Nikolaevich Obruchev (1830—1904): portrait against the background of the epoch: biography.* Moscow: Russian Book: Al-gorithm. 496 p. ISBN 978-5-906914-73-6. (In Russ.).
- Airapetov, O. R. (2018). *Foreign policy of the Russian Empire. 1801—1914: in 4 volumes. The foreign policy of Emperors Alexander II and Alexander III. 1855—1894, 3.* Moscow: Kuchkovo Field. 904 p. ISBN 978-5-9950-0905-4. (In Russ.).
- Alekseev, M. N. (2010). *Military intelligence in the Russian Empire — from Alexander I to Alexander II.* Moscow: Veche. 480 p. ISBN 978-5-9533-4485-2. (In Russ.).

- Alpeev, O. E. (2021). The war after the victory? Plans of General N. N. Obruchev in the event of a struggle against the coalition of Great Britain, Austria-Hungary and Turkey (1878). *Questions of History*, 11—1: 28—55. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202111Statyi03. (In Russ.).
- Apushkin, V. A. (1914). *Skobelev about the Germans. His testaments to the Slavs*. Petrograd: Publishing House of the I. D. Sytin Association. 100 p. (In Russ.).
- Beskrovny, L. G. (1973). *The Russian army and navy in the XIX century. The military-economic potential of Russia*. Moscow: Nauka. 616 p. (In Russ.).
- Ganin, A. V. (2009). *The corps of officers of the General Staff during the Civil War of 1917—1922: Reference materials*. Moscow: Russian Way. 895 p. (In Russ.).
- Golikov, A. G. (2016). “The time has come for radical and extensive transformations in our army” (the magazine “Military Collection” and the newspaper “Russian Invalid” during the Milutin reforms of the 1860s—1870s). *Russian History*, 6: 3—14. (In Russ.).
- Lannik, L. V. (2018). *The Russian Front, 1914—1917*. St. Petersburg: Nauka. 287 p. ISBN 978-5-02-039679-1. (In Russ.).
- Masalsky, V. N. (1998). *Skobelev: Historical portrait*. Moscow: Andreevsky flag. 414 p. ISBN 5-85608-248-6. (In Russ.).
- Menning, B. (2015). *Bullet and bayonet. The Army of the Russian Empire, 1861—1914*. Moscow: Modest Kolerov. 424 p. ISBN 978-5-905040-19-1. (In Russ.).
- Persson, G. (2010). *Learning from Foreign Wars: Russian Military Thinking, 1859—73*. Solihull, West Midlands: Helion. 182 p. ISBN 9781906033613.
- Rich, D. A. (1998). *The Tsar’s Colonels: Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press. 293 p. ISBN 0-674-91111-3.
- Sergeev, E. Yu. (2001). “Another earth, another sky ...” *The West and the military elite of Russia. 1900—1914*. Moscow: Russian Academy of Sciences. In-t is universal. Histories. 282 p. ISBN 5-94067-045-8. (In Russ.).
- Svechin, A. A. (1928). *Evolution of military art*, 2. Moscow — Leningrad: State Publishing House, Department of Military Literature. 619 p. (In Russ.).
- The army and navy in the geopolitical interests of Russia*. (2019). Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. 368 p. ISBN 978-5-8055-0354-3. (In Russ.).
- Tomilin, A. R. (2020). Russian military intelligence on the Bosphorus in 1878—1885. *Journal of Russian and Eastern European Historical Studies*, 4 (23): 6—32. DOI 10.24411/2409-1413-2020-10090. (In Russ.).
- Yudin, S. S. (2021). *Soldier of the Empire. General M. I. Dragomirov. The reformer. Teacher. Military commander*. Moscow: Yauza-catalog: Publishing House “Russian Military Historical Society”. 336 p. ISBN 978-5-00155-437-0. (In Russ.).
- Zayonchkovsky, P. A. (1945). Military reforms of D. A. Milyutin. *Questions of history*, 2: 3—26. (In Russ.).
- Zayonchkovsky, P. A. (1952). *Military reforms of 1860—1870. In Russia*. Moscow: Moscow University Press. 368 p. (In Russ.).

*The article was submitted 05.07.2024;
approved after reviewing 09.09.2024;
accepted for publication 18.09.2024.*